

МОТИВ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В РОМАНЕ Ч. АЙТМАТОВА «ТАВРО КАССАНДРЫ»

Показано, что в романе Ч. Айтматова доминирует апокалиптический мотив: видовое самоубийство китов, птиц, человека, самоликвидация прорицателя-пророка. Пафос романа - предупреждение-сомнение в прогрессе, уничтожающем жизнь.

Этапом в творческой эволюции Ч. Айтматова можно считать его новый роман «Тавро Кассандры», определенный автором как «ересь XX века». Это своеобразная рефлексия прозаика на экологический и духовный кризис современной цивилизации, попытка осмыслить пути дальнейшего развития человечества.

Повествованию в романе предшествуют два эпиграфа - отрывок из мифа о предсказательнице Кассандре и известные слова Екклесиаста: «А блаженнее из обоих тот, кто еще не существовал, кто не видел злых дел, какие делаются под солнцем» - вот камертон, задающий основной тон айтматовской прозы-поэзии, который является организующим началом «внутренней стройности повествования, непривычной композиционной архитектуры, когда самые, казалось бы, разнородные стилевые манеры - от философской лирики до телерепортажа - не вызывают впечатления хаотичного нагромождения мало связанных друг с другом кусков жизни, а, наоборот, вызывают гармоническое чувство «всего мира в одном себе» [1].

Сюжетная коллизия романа развивается вокруг письма от космического монаха Филофея его Святейшему папе римскому. Открытая им теория о кассандро-эмбрионах, уже в первые недели внутриутробного развития предчувствующих бессмысленность своей будущей жизни и в эсхатологическом страхе посылающих сигналы о нежелании жить, вызывает шок на всей планете: «...Число кассандро-эмбрионов непрерывно растет. Причина этого - в эскалации в подкорке мирового сознания ощущения порочности и гибельности вечно экстремального людского бытия. Тавро Кассандры - закадровый голос эмбрионального эсхата, напряженно и отчаянно ожидающего уже в утробе матери приближение конца света. Это убивает в нем естественную тягу к жизни» - констатирует Филофей [2. С. 16].

Для начала скажем несколько слов об этом космическом монахе. Таким предстал он на телеэкране перед всей планетой: «На вид Филофею было лет пятьдесят с небольшим. С продолговатым лицом, с русыми волосами, свисавшими до сутулых плеч. И борода рыжеватого оттенка с проседью. Он смотрел с экрана, в зал, в лица присутствующих, как повстречавшийся на дороге путник, куда-то идущий с котомкой и посохом, приостановившийся уточнить, туда ли он держит путь, куда ему следовало. И вечереет уже, поспеет ли? Во взгляде - озабоченное внимание и целеустремленность» [2. С. 8].

Именно как путника изображает его автор. Филофей - это скиталец в безбрежном мироздании космической вечности, возможно, случайно занесенный на эту порочную планету, или же, напротив, во испытание и во спасение человеческой цивилизации. В миру он - русский ученый профессор Андрей Андреевич Крыльцов, человек без рода, без племени, лишенный

корней - без прошлого и будущего, подкидыш, не знающий ни матери, ни отца. Именно комплекс подкидыша оказывается решающим в выборе сферы деятельности - разработке программы по созданию иксродов, людей, не скованных родственными отношениями. Такие люди, по мнению создателей этой программы, являются предельно надежными, кто не остановится в решающий момент ни перед чем, не задумается ни о ком и ни о чем. Не удивительно, что создание людей подобного рода было засекреченным социальным заказом определенных государственных структур. В какой то момент и перед Крыльцовым, главным мозговым центром этой идеи, сверкнет истина: «Ведь фактически и я был иксродом, - пусть и законнорожденным, но именно таким, без рода, без племени, негибимым, невозмутимым, если не сказать бессердечным в своих поступках, прослышавшим жестоким специалистом своего дела, человеком, не расплывшим своих способностей и времени ни на что другое, кроме целенаправленной деятельности» [2. с. 98].

У Крыльцова своя философия жизни, свое объяснение той работы, которой он занимается. Смыслом его жизни становится: во что бы то ни стало доказать всему миру, что, несмотря на то, что он подкидыш, он лучше, гениальнее других, законно рожденных, не обделенных родительской любовью и теплом. Жизненным кредо для себя Крыльцов взял высказывание великого философа XX в. А.Ф. Лосева, который по поводу новоевропейского учения о бесконечном прогрессе общества и культуры писал, что, «согласно европейской парадигме, ни одна эпоха не имеет смысла сама по себе, а лишь как подготовка и удобрение для другой эпохи, и каждая следующая эпоха тоже не имеет смысла сама по себе, а и она тоже - навоз и почва для грядущей эпохи, а равно и всех возможных эпох; цель же постоянно и неизбежно отодвигается все дальше и дальше, в бесконечные времена, неизменно оправдывая тем самым провозглашателей всех новых эдемов» [2. С. 92]. Рассуждая так, Крыльцов понимает, что истолковывал мысли гениального философа в соответствии со своим стремлением обеспечить себе свободу рук, переложить собственную ответственность на потомков, убеждая себя, что его миссия - «двигать науку». Однако все же немалые сомнения мучают известного профессора по поводу этико-моральной стороны проекта, особенно сильно взволновавшие его после встречи с женщиной с иной философией жизни, которая бесстрашно вступает в неравный диалог-спор: для Крыльцова при первой и, как окажется потом, последней встрече с ней она просто «инкуба», как и сотни тысяч других зечек, которым «посчастливилось» неожиданно-негаданно значительно сократить свой срок отбывания наказания. Для нее встреча с профессором,

с «сатаной» - это способ высказать свои суждения, свое мнение о бесчеловечном проекте, который так жестоко вмешивается в таинство рождения. «Быть может, она в чем-то и права, но ведь одной совестью и благими намерениями мир не насытишь, не ублажишь, не изменишь звериной сущности человека, алчущего все большего места под солнцем, при таких аппетитах скоро солнца не хватит на всех, но еще страшнее, что он, человек, все больше и ненасытнее страждет господства над себе подобными. Потому и нужны новочеловеки - иксроды» [2. С. 105].

Иксроды - это своего рода потребность времени. Через этот символ писатель развивает мысль о том, что в цепи развития человеческой эволюции велика ответственность каждого ее субъекта как перед прошлым, так и перед будущим. Родовая вина, поколениями накопленная в индивиде, влияет и на будущее поколения, упрочивая бездну негатива в каждом вновь рожденном на свет, чтобы продолжить неуклонное движение к апокалипсису. Экзистенциальный страх кассандро-эмбрионов перед жизнью - это не случайность, а закономерное явление, следствие накопленного веками зла, отчаяния и ненависти. И, как замечает С. Семенова, «эмбрионы-отказники», в отрицательном варианте демонстрируя преемственность наследственных изъянов и грехов, свидетельствуют о той первой и важнейшей связи человека с целой жизнью, которую Вернадский определял как его включенность в последовательно разворачивающийся в эволюции ряд живых существ и, главное, - в родовую цепь поколений. Из кармической цепи человечества не выскочишь один - освободить и спасти ее необходимо целиком [3].

Иксроды, по мнению Крыльцова, казалось бы, механически исключены из цепи развития человечества, а значит и родового долга, соответственно и родового вины. Понять же глубину утопичности его теории помогает, как уже было сказано, сама жизнь - женщина со старинным именем Руна. Она заставляет всколыхнуться в его душе лежащие на самой глубине сомнения: а верно ли он поступает, где грань между гениальным научным открытием и преступлением перед совестью, гуманизмом. Именно Руна открывает ему глаза на весь ужас его опыта - работы бесчеловечной, антигуманной.

Руна поразила и заинтересовала Крыльцова с первого взгляда (этот интерес постепенно перерастает в глубокое и серьезное чувство), так как она совсем не была похожа на других заключенных: прежде всего он заметил очки - признак приобщенности к культуре, образованности. Познакомившись с ее личным делом, Крыльцов понимает, что она не просто заключенная, это истинный борец за справедливость, за совесть в человеке. При этом Руна всеми средствами, всей своей жизнью утверждает правоту своих убеждений, даже если это с точки зрения логики бессмысленно. Обреченность подобного способа спасения мира понимает и Крыльцов, понимает он и то, что надо предупредить людей о заложенных в них сгустках зла, ненависти, страданий, которые неизменно приведут к гибели всего живого. Здесь отправная точка теории, приведшей его на орбитальную внеземную станцию отшельником - самозванным космическим монахом Филофеем.

Есть в романе героиня, судьба которой сходна с судьбой Руны. Это эпизодический образ: девушка, заживо сгоревшая на массовой демонстрации на Красной площади, бессмысленно, с точки зрения толпы, отдавшей свою жизнь. «Человек не должен рождаться, чтобы производить оружие» - вот девиз, с которым она и ее друг вышли против бешеной демонстрации оборонщиков, выступающих за гонку вооружения. «Вместе с вертолетом затерялась в дебрях города, как в лесу исчезающая птица, трагедия молодых людей, скорее всего студентов, так отчаянно, так страшно и безоглядно пожертвовавших собой ради идеи, в которую они уверовали... О, романтика, вечная спутница утопий и их неизбежных крушений!» [2. С. 60].

Другой герой Айтматова, Роберт Борк, - известный американский ученый-футуролог. Это человек, профессионально занимающийся «философией будущего» или, иначе, наукой о будущем. Он со всей полнотой понимает и принимает теорию Филофея, в которой, как ему кажется, воплощены все его знания и весь его опыт, все терзания на пути поиска истины и, вследствие этого, «чувство небывалого внутреннего удовлетворения, о котором мечталось, может быть, всю жизнь, и отсюда являлась готовность отстаивать открытие космического монаха как свое кровное дело» [2. С. 35].

Борк понимает, что перед человечеством возникла некая дилемма: жить в ситуации всеобщего самообмана или же вступить на качественно иной уровень развития цивилизации, учитывая достижения ученого-генетика. Встав на сторону Филофея, Борк понимает опасность положения, но иного пути для него нет: помочь людям понять, осмыслить значение синдрома кассандро-эмбриона для предупреждения неизбежного конца - в этом цель и смысл его жизни. Финал романа трагичен, он определен автором еще в самом начале повествования. Вспомним ситуацию, когда Борк встречается в открытом океане китов, и ему уже мнится, что и он, вдруг став киточеловеком, «плыл в бушующем океане, понимая проснувшимся вдруг чутьем издонным, что огнине будет связан с китами до конца дней своих, и открылась в душе его тайная суть этой встречи: то, что постигнет китов, постигнет и его, что произойдет с ним, произойдет и с китами...» [2. С. 12].

Факт такой современной экологической катастрофы, как самоубийство китов, нашел преломление в художественном пространстве романа. Это загадочное явление, идущее вразрез со всякими природными законами, становится предметом размышлений футуролога, здесь же какая-то фантастическая, сакральная связь между американским ученым и этими огромными животными. Откуда-то из глубин сознания, возможно, из архаических пластов памяти, заложенной еще со времен первочеловека, всплывает у Роберта Борка их образ. Они ему часто «снились смутными видениями... и вроде бы звали его с собой» [2. С. 12]. Киты, по мнению ученого, - это живые радары вселенной, тонко улавливающие все мировые катаклизмы, предчувствующие наступление катастрофы. Человеку дан мировой разум, способность саморефлексии и самосовершенствования, ответственность за мироздание, но другое дело, что он об этом не задумывается, не осознает всей величины

своей ответственности, погрязнув в мелочной суете. «Где-то среди нас, - рассуждает футуролог, - в стихии нашей, происходит срыв, обвал, извращение нравственности, незримая радиация зла и страха распространяется из того обвала по миру, нарушается космическая справедливость, думаю, что существует такая справедливость, искажается гармония бытия, и тогда киты не выдерживают и тоже срываются, плывут к берегу и выкидываются разом, выбрасывают себя на погибель, совершают самоубийство» [2. С. 12].

Участь же человека, по мысли героя, а следовательно, и самого автора, - всеми доступными средствами бороться со злом, даже если оно непреодолимо - в этом развитие человека и человечества.

Один из путей достижения гармонии для человека Р. Борк видит в полирелигиозности. Немыслимый источник зла в пристрастности, амбициозности, эгоистичности различных вероучений во имя утверждения своих приоритетов на обладание истиной, что главным образом и порождает противостояние в мировых структурах духовенства и, в свою очередь, отчужденность, взаимонепонимание верующих масс. Эти мысли подтвердились в реакции человечества на теорию Филофея, когда в первую очередь против нее выступили представители различных вероучений, узревших в этом письме попытку снизить их влияние на верующих.

Мнение героя выражает суть суждений автора: «Религиозная ассамблейность не ослабила бы идею Бога ни в одной из существующих религий, а, напротив, придала бы им свойство универсальности, открытости, динамизма и самое главное - обнажила бы человеколюбивую основу религии в ее исходной сути, в деяниях, а не только в прекрасных теориях» [2. С. 45].

Важно то, что письмо Филофея адресовано именно папе римскому. Теория Филофея - это своеобразный вызов человечеству, так как в основе христианства, одной из самых распространенных мировых религий, - идея искупления и преображенной вечности для существ, созданных по образу и подобию Бога. «Причем субъектом воскрешения и преображения, как подчеркивала святоотеческая мысль, является каждый рожденный, пришедший "в бытие рождением" (святой Григорий Нисский), то есть как только ты родился, ты (сколь бы прекрасна и радостна или, напротив, тягостна и страшна ни была твоя жизнь) получил шанс на бессмертное обоженное бытие. Оттого-то призывающие к истреблению их в зародыше эсхато-эмбрионы, категорически отказываясь от оформления себя в качестве высшей личностной формы бытия, провоцируют живущих на совершение греха величайшего...», - считает С. Семенова [3]. В соответствии с общепринятой моралью это суждение может быть уместным, но, по мысли главных героев и автора, человечество, погрязнув в порочности, во времена, когда перевернуты все нравственные ориентиры и духовные идеалы, во имя самоискупления и спасения должно найти в себе силы попытаться осознать, что путь к вершине совершенства должен быть качественно иным, другими словами, «зло заключено в нас самих» (Айтматов), и именно об этом теория кассандро-эмбрионов, свидетельствующих о накопленном веками в каждом человеке стучке отрица-

тельной энергии, негативных эмоций. Путь к достижению мирового космоса зависит от самоборения, самоочищения и саморефлексии человека как в мировом масштабе, так и в личной судьбе.

Так же, как и киты, внезапно в романе появляется старая кремлевская сова, ровесница века. Каждую ночь, ровно в три часа по полуночи, слетает она со Спасской башни, чтобы послушать диалог призраков, их извечный спор о своей судьбе и судьбе России. Разговор двух великих людей, сыгравших огромную роль в истории России, еще раз свидетельствует о том, что слишком велика трагедия личности, не обретшей покоя даже после смерти: «Нет мне исхода, нет мне покоя, нет покаяния! Прежде не думал, а теперь из головы не выходит - зачем я родился, зачем только меня мать родила?! Ведь я не хотел, не хотел рождаться! А теперь я заложник гробницы» [2. С. 38]. Историю уже не изменить, но какова она могла быть, если бы человечество, зачавшая мать в свое время знали бы о существовании «тавра Кассандры»; скольких страданий удалось бы избежать. Об этом и диалог-спор, который «волею Провидения только сове дано было видеть и слышать этих неуживчивых, неугомонных призраков в их потусторонней, эфемерной зыбкости...» [2. С. 37].

Этот символ, отнюдь не случайно, находит место в художественном пространстве романа, так как старая сова отражает мудрость человечества, киты же воплощают совесть. В романе существует какая-то потусторонняя метафизическая связь между китами и совой: «Сове казалось, что она слышит из великого отдаления, откуда-то с другого края света, как в ночном океане плывут киты, как движутся они гуртом, раздвигая гороподобными телами надвигающиеся волны... Сова на взгорье кремлевском чуяла - что-то должно произойти на земле. Всегда так бывало - киты впадали в отчаяние перед тем, как случиться в мире великой беде» [2. С. 38].

Совесть и мудрость - вот движущие силы развития человечества, те ориентиры на пути к высшей степени совершенства. Тем трагичнее звучит финал романа: киты выбрасываются на верную смерть; сова найдена мертвой на мавзолее. Многозначно и то, что кончает самоубийством Филофей, преподнеся всей своей жизнью урок живущим: урок мужества, добра и великой любви, даже к тем, кто его проклял. Попытка в очередной раз спасти человека, поставить его разум на верный путь дальнейшего развития и самосовершенствования, вновь потерпела неудачу. «Но цена на таком пути всегда велика. Был ведь однажды великий Урок на все времена. Цена была - Голгофа. И у каждого своя цена. Этот заплатил свою цену в космосе...» [2. С. 109].

Дана автором и надежда на спасение - это Энтони Юнгер, молодой и энергичный интеллектуал, единомышленник Филофея и Борка. Ему завещано продолжить «дело отцов», однако автор не делает особого акцента на этом. Действительно, уникальные разработки Филофея уничтожены, человечество никогда в таких масштабах не задумается об этой проблеме. Она ушла в вечность с ее хранителями - Филофеем и Борком, «и с ними истина» [2. С. 96].

Не удивительно, что вокруг романа развернулась горячая полемика. При этом шкала оценок колебалась от резко отрицательных до качественно положительных: новый роман Айтматова высоко оценили Г. Гачев [4], С. Семенова [3], В. Коркин [1] и другие; имели место и такие публикации, как «Чингиз, не помнящий родства...» В. Бондаренко [5], где Айтматов обвиняется в измене своим традициям, в контексте которых, по мнению автора статьи, ему удавалось творить вершинное.

Созданное Айтматовым произведение своим пафосом звучит в унисон с суждениями современного философа Г. Померанца, который считает, что «традиция - не только мощи, к которым прикладываются, боясь пошевелить. Традиция несет в себе возможности, которые надо использовать, не боясь ошибок, не боясь ересей. Ересь - это первый неловкий шаг на новом пути, первое, слишком прямолинейное решение; оно ценно как постановка вопроса. Ни одна догма не родилась без предшествующей ереси...» [6].

Говоря о «Тавре Кассандры», Айтматов признается: «Не знаю, теперь, задним числом, мне кажется, что работа над другими книгами была полетом души, парением в прекрасном пространстве, а этот роман меня просто истерзал. Я раньше, когда читал о художниках, приходивших в отчаяние, готовых даже руки на себя наложить: не давалась им в руки форма для воплощения того, что в них выросло уже, всегда думал - ну есть в этом некоторое преувеличение, ну не так уж все это ужасно. А теперь и я знаю эту пропасть отчаяния» [7].

Возможно, «пропасть отчаяния» возникает только перед воистину одаренным человеком, тем, кто пытается передать открывшуюся вдруг истину и не находит для этого достаточных средств выражения, чтобы человечество восприняло созданное так, как видится оно ему - писателю, художнику, мыслителю. Так и Айтматов: «Тавро Кассандры» - это итог огромного как творческого, так в равной мере и жизненного пути писателя. Во многочисленных выступлениях, интервью, беседах с киргизским прозаиком красной нитью проходит тема тревоги за человека, за его будущее, за судьбу мироздания в целом. Он всегда считал, что «от искусства, от литературы ... зависит очень многое: тревожить, будить в человеке совесть, мужество, гуманизм, раскрывать перед ним весь мир, чтобы он не забыл, что он - человек, что его духовное самочувствие - один из главных факторов достойной жизни на нашей планете» [8. С. 231]. Весь творческий путь писателя - это утверждение веры в человека, в его разум, волю и добро.

Ранние его произведения отличает приподнято-романтическая патетика, герой их - молодой человек, ищущий свое место, свое предназначение в жизни. В более зрелый период творческой деятельности Айтматов, постепенно углубляя содержательную основу своих произведений, переходит на качественно иной уровень художественного выражения. Во-первых, он обращается к мифу как «сгустку мудрости» (Айтматов) древних, пытаясь через призму векового опыта человечества осветить проблемы современности. Во-вторых, здесь мы имеем дело с новым типом философского романа, корни которого сочетают национальные традиции

и опыт мировой литературы. Философской основой произведений Айтматова является то, что его творчество претерпело целый ряд изменений в направлении от космозма к экзистенциализму.

В философии экзистенциалистов человеческая жизнь развивается как глубоко метафизическая драма, отсюда отнюдь не случайно она зародилась в начале XX в., в эпоху мировых войн и революций, когда перед человечеством встает вопрос о значимости и смысле человеческой жизни. В эпоху кризиса гуманизма «они отодвигают на задний план онтологические и гносеологические проблемы как слишком абстрактные, специально-философские и обращаются в основном к исследованию феномена человеческой реальности, к созданию философской антропологии» [9. С. 170].

Экзистенциальная основа суждений Айтматова порождена современным состоянием мира, катаклизмами самой эпохи. Во всех последних произведениях герои Айтматова находятся в пограничной ситуации, когда идет проверка истинной человеческой сути. Его не раз обвиняли в излишней трагичности. Действительно, вспомним его повести «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря», «Ранние журавли» - во всех этих произведениях в центре художественного пространства повествования находится мир ребенка, который представляет собой чистое и непорочное преломление окружающего «взрослого мира», не всегда доброго и гуманного по отношению к нему.

Душу, жаждущую познания, наполнил радостью и смыслом для Мальчика из «Белого парохода» дедушка Момун. Он и сам не заметил, насколько глубоко затронула по-детски открытое сердце внука его сказка, постольку, поскольку жесток тот мир, где приходится выживать человеку, зачастую идя на компромиссы со своей совестью. Так случилось и с Момуном: убив оленюху - тотем рода Бугу, - он растоптал не только свою сказку, которая, конечно же, значила для него нечто большее, чем просто родовое предание, - этим он смирился с жестокой и несправедливой действительностью. Есть, казалось бы, для него оправдание, ведь совершил он это преступление не ради себя, а для дочери своей злосчастной, для внука. Для Мальчика же нет компромиссов - вместе со сказкой деда рухнул и реальный мир, и осталась у него только своя сказка, навстречу к которой он уплывает. Жестокий мир, подняв руку на священное, убивает и ребенка, маленький росток достойного продолжения рода человеческого. Айтматов о трагическом финале своей повести пишет так: «У меня был только один выбор - писать или не писать повесть. А если писать, то только так» [10. С. 382]. Трагический финал в повести оказался неизбежным, поскольку, уйдя из жизни, мальчик сохраняет душу чистой, иного способа борьбы и самовыражения нет. А. Камю писал в «Бунтующем человеке»: «Главное не в том, чтобы добраться до корней вещей, но понять - оставляя мир быть тем, что он есть, - как себя вести в этом мире» [11. С. 172].

В «Пегом псе, бегущем краем моря» все обстоит иначе, здесь, напротив, взрослые преподают «урок на всю жизнь» ребенку - урок самоотверженности, мужества и доброты во имя продолжения жизни. Здесь

от отца и братьев мудрость и опыт в экстремальной ситуации передаются Кириску, самому младшему на лодке. Человеческому существованию в этой повести убожает могущественная природа, ниспославшая на людей космическое испытание - незбылемый Великий туман, - из которого люди выходят достойными победителями.

Покушение на жизнь ребенка присутствует и в «Ранних журавлях». Война, голод, жестокий зимний холод - фон, на котором разворачиваются события в повести. Не к кому больше председателю колхоза Тыналиеву обратиться за помощью, как к пятнадцатилетним мальчишкам, на неокрепшие плечи которых ложатся тяготы посевной. Однако этим «батырам Великого Манаса» противостоят темные силы. В первую очередь, они возникают из реального мира людей - это дезертиры с фронта, пытающиеся бегством спасти свою жизнь от абсурда уничтожения человеком человека. В повести это враждебные силы постольку, поскольку, отрекаясь от родового долга защиты отечества, тем самым отделив себя от социума, эти люди окончательно теряют человеческий облик. Наряду с ними, противостоит ребенку и старый волк, к схватке с которым готовится в финале Султанмурат. И вместе они, по мысли Г. Гачева, «как бы вырост с того заднего - подземного в повести плана войны, которая вот вдруг и здесь въявь предстала несколькими своими представителями: дезертиры-конокрады, «полицай», и вот волк - германское отродье» [12. С. 132].

Тот же мотив убийства ребенка жестокой реальностью звучит и в «Плахе». Базарбай представляет в повести чуждый природе мир людей. Он лишает волчью пару, Акбару и Ташчайнара, волчат, их последней надежды на продление рода. Отдаленные Моюнкусские степи - их последнее пристанище после того, как две предыдущие их попытки закончились трагедией, волчата погибли - одни под пулями автоматов и под копытами обезумевших в бешеной гонке сайгаков, другие в огне в связи с внедрением человеческой цивилизации в лоно природы. В абсурдном мире нет справедливости, утверждает писатель в «Плахе», и трагедия в том, что вина героев без вины - все в человеческом общежитии взаимопереплетено, взаимосвязано и расплата ждет любого. Обезумевшая от горя волчица кружит вокруг кошары Бостона, человека от рождения гуманно и бережно относящегося к природе, Бостону отныне предстоит жестокая схватка с Акбарой, прародительницей своего рода в тюркской мифологии. Для Айтматова трагедия человека в том, что, забыв свою органическую связь с природой, он вступает с ней в неравную борьбу, в борьбу, где не может быть победителей - проигрывают обе стороны. Так, Бостон, целясь в волчицу, не доверившись природе, убивает сына (а ведь есть у тюрков легенда, где Белый Волк вскармливает младенца, откуда и берет начало род тюрков) и разрывает отношения с социумом, нарушив его закон и убив человека.

Эти мысли приобретают в последнем романе Айтматова мажорное звучание: жить или не жить человечеству, цивилизация перед выбором - продолжать путь в бездну к неизбежному концу или перейти на качественно иную ступень развития.

Интересны замечания С. Семеновой, которые сделаны в результате прочтения романа «Тавро Кассандры» в контексте ноосферной теории или, иначе, натурфилософской теории Тейяра де Шардена. В ноосферном видении, как нигде, отчетливо сознание родственной связи человечества со всей эволюционной цепью жизни, но вместе с тем - и понимание человека как существа еще растущего, неоконченного, превозмогающего свою еще далеко не совершенную, противоречивую природу. Конечная цель развития, по мнению натурфилософов, в идеале - Сверхжизнь, Высший Человек, путь к которому - творчество собственного существа с помощью разума, способного посредством рефлексии к самосовершенствованию. Это, как пишет С. Семенова, «требует мужества разобраться в глубоких корнях зла в человеке, приведших его вместо этих сияющих вершин на потенциальную грань самоуничтожения, требует поиска, дерзания, неустанной работы и любви» [6. С. 420].

Мнение С. Семеновой не обосновательно, так как в романе действительно имеет место идея извечной эволюции человеческого рода, кровнородственных связей между каждым субъектом в этой бесконечной цепи развития. Знакомство Айтматова с трудами натурфилософа Тейяра де Шардена, безусловно, так как он, не раз высказывая свое мнение о судьбе человечества, опирается на суждения этого мыслителя. Вспомним слова Иисуса Назаретянина из «Плахи»: «смысл существования человека в самосовершенствовании духа своего, - выше этого нет цели в мире. В этом красота разумного бытия - изо дня в день» [13. С. 138]. Идеи Тейяра де Шардена, заявленные уже в философском контексте «Плахи», получают свое дальнейшее развитие в следующем романе Айтматова.

Казалось бы, совершенно несовместимые течения в философии - экзистенциализм и натурфилософия - органично переплелись в идейном замысле романа. Уже в названии - контраст. Исследователь Г. Гачев верно заметил, что «в нем (романе) сведены как бы полюса интеллектуально-художественного развития самого Айтматова: про "тавро" знает любой пацан из аила. Но вот ведать про дочь царя Приама Кассандру - пророчицу, что предрекала гибель Трои, но никто не верил ее вещим предсказаниям, - это уже знак изысканного гуманитарного образования и мышления мировыми сюжетами всего человечества» [4].

«И на сей раз было Слово. Как когда-то. Как в том бессмертном Сюжете» [2. С. 9] - так начинается повествование романа «Тавро Кассандры», вновь Айтматов обращается к классическому произведению. Это по идейно-философскому содержанию является связующей нитью между романами «Плаха» и «Тавро Кассандры»: всепрощающая любовь к человеку, попытка спасти мир, даже если «цена на этом пути будет слишком велика».

Однако трагедия в том, что «по своей природе прогресс - это все или ничто. Два, и только два направления - одно вверх, другое вниз, и невозможно, зацепившись, остаться на полпути» [3. С. 185], либо цивилизация развивается по восходящей траектории к вершинам совершенства, либо - бездна, гибель, провал в

неизвестность - конец всего живого. Понимают это и Филофей и Авдий, стремясь всеми доступными средствами к совершенствованию и развитию духа современника, но верно и то, что «человек никогда не сумеет превзойти человека, объединяясь с самим собой» [14. С. 201]. Спасти человечество в одиночку невозможно, потому как в восхождении к совершенству должна принимать участие каждая частичка мирового целого, каждому человеку необходимо осознать всю глубину своей ответственности и перед прошлым, и перед будущим. Тейяр де Шарден сказал об этом так: «Я думаю, вряд ли у мыслящего существа бывает более великая минута, чем та, когда с глаз его спадает пелена и открывается, что он не утерянная частица, а пункт сосредоточения и гоминизации универсального стремления к жизни» [14. С. 40]. Поэтому как бы ни красива и верна ни была идея спасения человечества, она обречена на провал, до тех пор, пока в истории эволюции мировой разум не достиг этапа всеобщего прозрения, пока каждый субъект посредством рефлексии не придет к мысли, что необходимо встать на верный путь движения истории, постольку поскольку именно от его жизни, его судьбы зависит дальнейшее развитие человечества.

Авдий Каллистратов - один из лучших учеников духовной семинарии, изгнанный духовенством за ересь, верит в идею о Боге-Современнике, потому как, по его мнению, «Бог в нашем понятии бесконечен, но поскольку мысль на земле развивается от познания к познанию, напрашивается вывод: Бог тоже должен иметь свойство развития» [13. С. 71].

Отрекаясь от абстрактных размышлений о Боге и о значении религии в духовной жизни людей, Авдий решает действием спасти человечество, погрязнувшее в многочисленных пороках, направить его на истинный путь. С этой целью отправляется он с добытчиками анаши на далекие Моюнкумские степи, затем - с любителями быстро и легко заработать на «охоту» на сайгаков, на так называемые «невскрытые резервы края», за счет которых, по плану, можно прикрыть недостачу по заготовке мяса. Однако сколь бы ни сильна и красива ни была концепция Авдия, которую он несет людям, она изначально обречена на поражение. Человек XX века, прагматичный, практичный, не нуждается в теории о всеобщем покаянии и всепрощении, не верит и не приемлет в должное последовать за этим явлением - рай на земле. Деньги, водка, наркотики - вот для него самый доступный и краткий путь к «земному раю», пусть он и ведет к неизбежному концу.

Идеалист Авдий понимает, что спасти все человечество в одиночку невозможно: слишком велики масштабы зла и очень ограничено поле деятельности субъекта, поэтому пытается помочь конкретным действием конкретному человеку. Но и на этом пути Авдия ждет поражение в столкновении с реальностью, и, как когда-то его Великий Учитель, верный своим идеалам и принципам, обрекает он себя на плаху.

Подобно Авдию восходит на свою Голгофу и герой последнего романа Ч. Айтматова - Филофей. История его жизни - вера в разум человеческий, надежда на возрождение души. Двойственно отношение автора

к своему герою. С одной стороны, уже после выхода в свет романа Айтматов в одном из интервью скажет: «Трагический взгляд Филофея на мир - это в определенной степени мой» [15]. С другой же стороны, Андрей Крыльцов теоретически «иксрод», не ведающий своих кровнородственных связей, однако по разработанной им же теории, негатив передается от матери к ребенку через плоть и кровь, т.е. независимо от последующего жизненного опыта, уже в утробе матери, «не изведав злых дел, что делаются на свете», эмбрион посылает сигналы о нежелании появляться на свет. Это открытие является великим испытанием всему человечеству, так как, заявляя об отказе жить, кассандро-эмбрион призывает всех живущих, и в первую очередь мать, на совершение греха величайшего.

Материнское начало является ключевым моментом в художественно-философском контексте романа «Тавро Кассандры». Безупречно разработанная теория по созданию «иксродов» опирается в непоколебимый и священный закон природы - материнство, единственный слабый пункт, по определению самого профессора Крыльцова, в блестящем плане: чувства так называемых «инкуб», женщин, которым предстоит выносить под сердцем и кормить три месяца «иксрода».

Пусть Крыльцов в некоторой степени, теоретически и «иксрод», но через всю жизнь он пронес воспоминание о скрипе снега под ногами матери, когда неслала она его на крыльцо детского дома, чтобы проститься с ним навсегда. Многие годы потребовалось ему прожить для того, чтобы понять и простить ее, но, возможно, именно Крыльцов когда-то и был тем самым кассандро-эмбрионом, в эсхатологическом страхе посылавшим сигналы об отказе от своего будущего, полного страданий и зла, которое он причинит людям. Жизнь Андрея Крыльцова полна трагизма, несмотря на то, что мать попыталась оградить его от, возможно, неизбежного зла, связанного с его рождением. Однако нельзя избежать трагедии, predetermined судьбой, ибо, как уже было сказано, «зло заключено в нас самих», и спастись нужно не в одиночку, а сообща. Приходит истина и к великому ученому-генетику, и тогда решает он отправиться монахом-отшельником на внеземную орбитальную станцию, о чем он скажет: «Сюда привела меня наука. Но никто не знает, что в космос я отправился не только с научными целями, что я изгнанник, сам себя изгнавший за пределы Земли, сам себя объявивший впоследствии космическим монахом» [2. С. 88]. Не случайно Крыльцов называет себя Филофеем (греч. *phileo* - люблю), потому что слишком поздно он понял то, как дороги ему люди, как велика его ответственность перед человечеством за его судьбу. Отправившись на орбитальную станцию монахом-отшельником, он делает отчаянную попытку спасти мир от неизбежного конца, потому как с космической высоты необходимо предупредить людей о грозящей им опасности, с помощью средств массовой информации войти в каждый дом, поговорить с каждым субъектом социума.

У Филофея нет своих детей, жена его, Евгения (греч. *eugenes* - породистый, плодovitый), поняв ужас его работы, покинула его. Лишь одно тревожит сердце

Филофея перед вечностью, которая его ожидает: что будет с теми, кто уже был рожден под эгидой программы по созданию «иксродов», как сложится их судьба: «И как кость в горле, стоит неразрешимый вопрос - что станет с иксродами, что успели родиться и теперь подрастают?... Что станет с этими людьми, казенными от рождения? А ведь завтра они поймут, кто они такие. Чем они отплатят обществу? Не возникнет ли у иксродов неодолимого желания отомстить человечеству, покончить со всем светом к чертям собачьим?! Я мог бы сказать себе, что никогда не брал ответственности за их будущее, а лишь решал научные проблемы их рождения. Но разве это оправдание?» [2. С. 106].

Лейтмотивом через весь роман проходит мысль о малости и хрупкости планеты Земля перед лицом космических просторов, вечных и непоколебимых. Подчеркивается неспешность космического движения, по контрасту противопоставленная мелочности и смехотворности по сути бесполезной людской суеверности. И только Филофею дано с высоты космической орбитальной станции наблюдать, «как на Земле световой день сменяется затмением ночи, чтобы затем смениться заново рожденным днем» [2. С. 87]. И в этом ему видится наглядное течение вечности, в сравнении с которой век человека - это краткий миг. Однако достоинство человека - обладание разумом, которое может продлить или, напротив, сократить его жизнь, причем в данном случае речь идет не о физическом существовании, а о жизни в памяти потомков. Но если, как писал А. Камю, «вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним. Человек изгнан навек, ибо лишен и памяти об утраченном отечестве, и надежды на землю обетованную. Собственно говоря, чувство абсурдности и есть тот разлад между человеком и его жизнью...» [11. С. 26].

Если проводить параллели между героем нового романа Айтматова и историческим лицом - Филофеем, игуменом псковского Елеазарова монастыря, автором теории «Москва - третий Рим», можно сделать предположение, что толчком для художественной мысли автора могла послужить и эта неординарная личность. В посланиях средневекового старца Филофея, так же, как и в письме фантастического космического монаха, присутствует мотив апокалипсиса, предупреждение о гибели за грехи человеческие. Однако господствующая идея, лежащая в основе сочинений и воззрений старца Филофея, есть «идея провиденциализма, в силу которой все, что ни совершается в мире, совершается волею всемогущего Бога, Творца и Промыслителя всего сущего» [16. С. 147]. Отсюда следует, по убеждению игумена, что беды и несчастья людские - это наказание божье за несправедные дела, творимые ими на земле. При этом он опирается на Библейское учение о том, что только божественному абсолютному ведению и его абсолютной воле доступны средства как создания совершенного мира, так и поддержания раз созданного и направления его к выполнению предназначенной цели; только Его всеведение и всемогущество могут направить, предупредить и исправить действия мировой ограниченности в бытии бездушной природы и в жизни нравственно разумных су-

ществ. Теория ученого-генетика Кривцова также утверждает то, что зло накапливает и рождает сам человек, но в отличие от убеждения старца Филофея о божественном управлении, он верит только лишь в разум человеческий, способный путем саморефлексии достичь совершенства на земле.

Возможно, рассмотрение поставленных в романе проблем следовало бы вести в русле деконструктивной логики, так как противоречащие друг другу идеи - отличительная черта нового романа Айтматова. Двойственно отношение к теории, открытой космическим монахом Филофеем, во-первых, общеизвестно, что аборт является не менее страшным преступлением, чем обычное смертоубийство, и оно наказывается повреждением души и тела убийцы и его потомков. Известный итальянский юрист Рафаэль Баллестерини писал 100 лет назад, что самым верным доказательством полного нравственного падения народа будет то, что аборт станут считать привычным и абсолютно приемлемым, что аборты не просто свидетельствуют о нравственном разложении, падении или загнивании общества, они являют собой и первопричину этого разложения и падения. Круг замкнулся. На фоне этого ужасающе звучит открытие теории о кассандро-эмбрионах, но и в ней есть своя логика. Эмбрионы-отказники, предчувствуя свою будущую несчастную жизнь либо то зло, которое они принесут людям, добровольно приносят свою жизнь в жертву лучшему будущему человечества.

Так же и Филофей, первый в своем роде космический самоубийца, осознанно и целенаправленно восходит на свою Голгофу. «Сколько раз я безотчетно наблюдал таинство смены дня и ночи, не предполагая, что сам же и поставлю на этом точку, - признается Филофей. - Потому что настал мой Судный день, конечный день, и в том моя горькая привилегия и обреченность...» [2. С. 87]. Кто он - Филофей? - Избранный, который должен спасти людей от неизбежной гибели, открыв им правду, какой бы страшной она ни была; или же, напротив, «убивая себя, он убил в себе Дьявола» [15]. Иначе в чем же смысл его теории об эмбрионах-отказниках - новый виток в эволюции человечества или путь в бездну посредством самоуничтожения, ибо сказано в Библии: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю».

По мысли автора, Филофей - носитель истины, которую люди в данный момент понять и принять не готовы. В том, что он шагнул в открытый космос, заключен мотив отказа от своей миссии, потому как слишком слаб человек, чтобы выдержать гнев и ненависть тех, кому отдана жизнь. Парадокс финала - смерть пророка-спасителя можно сравнить лишь со смертью ребенка - человека будущего. Главная мысль, заключенная в романе - самоубийство во имя жизни.

Итак, в романе доминантой звучит мотив жертвоприношения. Трагичен финал романа: печальна судьба носителей нового знания, будь то интуитивное (киты) или рефлективное (Филофей, Борк, Югер) постольку, поскольку они, оказавшись преждевременными, не находят понимания и отклика у людей. Лейтмотивом прошедшая через весь роман мысль, что «теперь нельзя не думать об этом» - это и есть цель писателя: заставить читателя за-

думаться о глобальных масштабах ненависти, зла и страданий, обрушившихся на человечество. Скажем об этом словами Айтматова: «И я думаю о том, как это важно сейчас каждому из нас каждым своим словом, каждой строкой своей книги - единственного оружия в наших руках - таким образом повлиять на умы и настроения, на сознание, на формирование взглядов молодых людей, чтобы показать им, как опасно героизировать это в про-

шлом, превращать это в символ славы величия, хоть в чем-то содействовать рождению какого-нибудь новоявленного Наполеона...» [17]. Новое произведение Айтматова преодолевает нигилизм, прославляя добрые и светлые начала в природе человека, потому что вера в разум человеческий, пусть и далеко не совершенный, но все же способный путем саморефлексии достичь истины, является его базисной основой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коркин В. Догма и ересь // Литературная газета. 1995. № 4. С. 5.
2. Айтматов Ч. Тавро Кассандры // Знамя. 1994. № 12. С. 9-110.
3. Семенова С. Конец света заключен в нас самих // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 86-93.
4. Гачев Г. Задумавшийся скиф и космический монах // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 95-99.
5. Бондаренко В. Чингиз, не помнящий родства // Наш современник. 1995. № 4. С. 138-146.
6. Померанц Г. Выход из транса. М., 1995.
7. Айтматов Ч. Теперь я знаю эту пропасть отчаяния // Россия. 1993, 3-9 ноября. № 45. С. 16.
8. Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. М., 1988.
9. Семенова С. Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе. М., 1989.
10. Айтматов Ч. Необходимые уточнения // Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М. 1984. С. 379-382.
11. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
12. Гачев Г. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе, 1989.
13. Айтматов Ч. Плаха. Алма-Ата, 1987.
14. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
15. Коваленко Ю. Чингиз Айтматов запускает на орбиту монаха Филофея // Известия. 1994, 30 ноября. С. 7
16. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
17. Айтматов Ч. Завоеватель не может быть героем // Лит. газета. Досье. 1995. № 2. С. 20.

Статья представлена кафедрой алтайского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета и кафедрой общего литературоведения филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 12 января 2003 г.